

Цзян Нин прекрасно понимал: перед ним обычная, абсолютно стандартная медицинская процедура. К тому же Лу Чжихань — взрослый мужчина, и что со спины, что спереди выглядящий примерно одинаково, так что смущаться, отворачиваться или прятать глаза не было никакой причины.

«В самом деле. Я ведь вошел с разрешения. Вот если бы я юлил, мямлил и шарил глазами по углам — тогда бы точно выглядел идиотом».

Сбросив с себя лишние сомнения, Цзян Нин открыто перевел взгляд с лица Лу Чжиханя на его ключицы и ниже. Кожа белела подобно гладкому нефриту.

Лу Чжихань и без того отличался холодным, почти фарфоровым оттенком кожи, а на участках, скрытых от солнца, она казалась вовсе нереальной, словно светилась изнутри мягким перламутром. Отсутствие яркого пигмента придавало ему сходство с изысканным изваянием, лишь слегка затронутым розовой акварелью. Впрочем, очертания тела не выглядели мягкими — в них угадывалась сдержанная мужская сила. Каждая линия казалась безупречной, будто выточенной резцом опытного мастера.

У Цзян Нина от этого зрелища ни с того ни с сего пересохло в горле. Сделать глоток из чашки не удалось: та оказалась пуста, и парень уткнулся взглядом в поиски воды.

Пожилой врач Янь Сун, ставивший Лу Чжиханю иглы, мазнул взглядом по рисунку на ключице и с трудом разобрал иероглифы:

—...Цзян Нин?

— А? — на автомате отозвался парень.

— Так это тебя зовут Цзян Нин? — на сморщенном лице старика Яня проступила лукавая усмешка. — А ты смельчак. Не каждый решится дергать за усы такого тигра, как господин Лу.

— Старец Янь, — с легким укором произнес Лу Чжихань.

— А что, и сказать уже нельзя? — фыркнул тот. — В последнее время ты вроде поправляешься, да только всё в себе копишь, ни с кем не делишься.

Он привычным движением повернул серебряную иглу, точно вводя её в нужную точку.

— Зажмешь чувства в кулак — получишь застой энергии в груди. Пора бы уже отпустить прошлые обиды и побольше общаться с молодежью.

— Вы правы, — глухо отозвался Лу Чжихань.

По мере того как сеанс продолжался, на лбу Лу Чжиханя выступили мелкие капельки пота, а бледная кожа окрасилась живым, болезненным румянцем. Он плотно сжал губы, стиснув зубы от выжигающей боли, а пальцы до белизны костяшек впились в простыню, сминая ткань.

Цзян Нин ничего не смыслил в акупунктуре, но, глядя на то, как исказилось лицо Лу Чжиханя, невольно нахмурился сам.

«Если такую пытку приходится терпеть каждую неделю ради призрачного шанса на выздоровление... я бы давно плюнул. А этот сцелпил зубы и молчит?»

— Эй, старик, — не удержался Цзян Нин. — Вы уверены, что всё делаете правильно? Не шарлатан часом?

Янь Сун усмехнулся:

— Юноша, ты первый, кто сомневается во мне прямо в лицо. А ты любопытен.

Цзян Нин лишь смерил его недоверчивым взглядом.

— Всё ещё не веришь? — старик кивнул на свой саквояж. — Вся доказательная база там.

Цзян Нин церемониться не стал. Подошел, расстегнул сумку и вытащил пухлую стопку документов: лицензию, дипломы, сертификаты. Судя по солидным печатям и регалиям, а также по фотографии самого Янь Суна, перед ним лежал арсенал заслуженного мастера медицины, а не подделки с ночного рынка.

Смутившись, Цзян Нин аккуратно убрал всё обратно и вернулся на место, теперь уже с молчаливым уважением наблюдая за работой врача.

Как вообще действуют эти иголки?

— Заинтересовался? — заметил его взгляд Янь Сун. — Наш организм — это единая замкнутая система. Ци и кровь циркулируют по двенадцати главным меридианам, связывая внутренние органы с поверхностью тела. Иглоукалывание прочищает каналы, гармонизирует инь и ян. Разные точки дают разный эффект.

У Цзян Нина от этих мудреных терминов едва голова не пошла кругом.

— Вы проще скажите: куда колоть-то?

— Ну уж нет, — вздохнул старик. — Врачевание не терпит суеты. Ошибёшься — искалечишь.

Он окинул парня мягким, отцовским взглядом:

— Ты ведь ещё в школе учишься?

— Ага. В десятом классе.

— Не думал пойти в медицину?

— В медицину? — Цзян Нин уставился на него, ткнув пальцем себе в грудь. — Вы это мне?

— Тебе. По-моему, из тебя выйдет толк. Спасать человеческие жизни — благородный путь.

«Благородный-то благородный, да только уметь надо», — подумал Цзян Нин, представляя себя в белом халате. От этой сюрреалистичной картины его аж передернуло. Одно дело — отправить кого-то в больницу ударом в челюсть, и совсем другое — кого-то там лечить.

— Цзян Нин, — подал голос Лу Чжихань, возвращая его к реальности. — Не бери в голову. Выбор профессии — только твое дело. Учись тому, к чему лежит душа.

Цзян Нин замер. Он никогда всерьез не задумывался о будущем. В доме семьи Цзян ему казалось, что родительские деньги укроют его от любых бурь. Зачем работать, если цель работы — деньги, а они у тебя и так есть? Но после того как его выставили на улицу, он наслушался сполна:

«Такие бездельники потом либо на стройке кирпичи таскают, либо на заводе у конвейера гниют».

«Ты что, всю жизнь собираешься быть уличной шпаной?»

В этих словах всегда сквозило пренебрежение. Цзян Нин не считал честный труд постыдным, но презирал тех, кто говорил с ним свысока.

Сеанс акупунктуры подошел к концу. Врач извлек иглы.

— На сегодня всё, приводи себя в порядок, — произнес Янь Сун.

— Спасибо за труды.

Когда врач ушел, в процедурной остались только они вдвоем. Лу Чжихань накинул рубашку, но пальцы после процедуры слушались плохо и заметно дрожали. Он трижды попытался продеть пуговицу в петлю, и с каждым промахом на его лице проступала редкая доселе досада,

граничащая с отчаянием.

— Не получается — попроси, — Цзян Нин шагнул ближе и протянул руки к его рубашке. — Тебя только что иголками искололи, куда ты торопишься?

— Не надо! — Лу Чжихань резко оттолкнул его руку. — Я сам. Справиться с пуговицами я еще в состоянии.

Цзян Нин опешил. Хотел как лучше, а в ответ — сплошная желчь.

— Да пожалуйста, ковырайся сам, — буркнул он, сложив руки на груди и отвернувшись.

Затаив дыхание, Лу Чжихань медленно, с видимым усилием застегивал пуговицу за пуговицей снизу вверх.

«Принять помощь для него — такая неподъемная тяжесть?» — злился Цзян Нин.

Закончив, Лу Чжихань нажал кнопку вызова на изголовье. Вскоре вошли двое реабилитологов.

— Господин Лу, — один из них достал бланк, а второй подошел к кушетке и опустился на корточки. — Перед залом ЛФК проведем еженедельную проверку чувствительности.

— Начинайте.

Специалист снял с Лу Чжиханя обувь и носки. Цзян Нин мельком глянул на его стопы — узкие, изящные, но лишённые тонуса, без выступающих вен, с аккуратно подстриженными ногтями.

Врач легким щелчком коснулся подошвы:

— Чувствуете?

— Нет.

Пальцы поднялись к лодыжке, затем к голени:

— А здесь?

— Нет.

Цзян Нин сжимал зубы, слушая монотонные ответы. «Нет... Нет... Нет...» На протяжении всего теста — от ступней до самых бедер — звучало лишь это короткое слово.

Неужели его ноги действительно ничего не чувствуют?

В груди Цзян Нина закипало глухое раздражение — чувство, похожее на бессильную ярость запертого в клетке зверя.

— Проверка окончена. Переходим к упражнениям, — сообщил реабилитолог.

Цзян Нину нестерпимо захотелось глотнуть свежего воздуха. Он выскользнул за дверь.

Старик Янь Сун все еще укладывал свои вещи в коридоре. Заметив юношу, он поднял глаза:

— Что с тобой? На тебе лица нет.

Цзян Нин подошел ближе. Хотя он и так знал ответ, удержаться не смог:

— Скажите... а у Лу Чжиханя совсем нет шансов восстановить ноги?

— О полном восстановлении речи не идет, — вздохнул Янь Сун. — Но у господина Лу невероятная воля. Он делает всё, что в его силах. Сейчас его состояние в разы лучше, чем когда я впервые увидел его.

— А каким он был?

— После аварии он мог только лежать. Не мог даже шевельнуться, едва дышал. То, что он сидит в кресле и управляет руками — уже настоящее чудо.

Цзян Нин замолчал. Вспомнилась вспышка Лу Чжиханя из-за пуговиц, его болезненная гордость... Каково человеку, привыкшему быть первым во всем, оказаться беспомощным бревном на больничной койке?

— А то, что вы говорили про учебу в мединституте... как туда поступают?

Янь Сун вытащил из записной книжки листок:

— Вот список вузов. В каждом из них я читал лекции, везде отличная база.

Цзян Нин взял бумажку. На самом верху значилось: «Медицинский колледж Линьцзяна».

Он не раз проезжал мимо этого старого кампуса, но никогда не проявлял к нему интереса — разве что бывал в торговом квартале по соседству. Спрятав записку в карман, парень вернулся в процедурную.

На икрах Лу Чжиханя блестели металлические пластины электродов, тянувшиеся к компактному прибору.

— Среднечастотная электротерапия, — пояснил Лу Чжихань, встретив его взгляд. — Стимулирует нервные окончания и мышцы. Я и дома делаю эту процедуру.

Цзян Нин буркнул краткое «понятно» и поджал губы.

— Ты всё ещё сердишься? — тихо спросил Лу Чжихань. — Я вспылел. Извини.

— Да не сержусь я, — Цзян Нин смотрел на тонкие ноги с прикрепленными датчиками. — И долго еще?

— Еще немного. Скучаешь? Можешь идти к себе.

— Да уж, тоска, — Цзян Нин, однако, остался. Присев на стул, он достал телефон.

Зазвучала бодрая музыка из Subway Surfers. Палец парня с ловкостью заправского игрока летал по экрану, заставляя персонажа уворачиваться от поездов и собирать монеты.

Лу Чжихань наблюдал за ним несколько минут. Заметив этот взгляд, Цзян Нин повернул экран:

— Хочешь попробовать?

— Я не умею.

— Научу, делов-то. Всё веселее, чем на стены смотреть. — Цзян Нин пододвинул стул вплотную и вложил смартфон ему в руки. — Жми «Старт».

Лу Чжихань с непривычки действовал неуклюже, с трудом огибая препятствия. Но скорость нарастала, усложняя задачу.

— Цзян Нин, я сейчас врежусь, — напрягся Лу Чжихань. — Забери, я проиграю.

— Да не паникуй ты! Отлично идешь!

Спустя мгновение персонаж на экране с размаху врезался в вагон.

— Всё?

— Ага. Ещё разок?

—...Давай.

Игра затянула его. Тем временем электротерапия сменилась травяной ванночкой. В воздухе разлился густой терпкий запах полыни, над деревянной бадьей клубился пар. Когда ноги Лу Чжиханя погрузились в темный отвар, белая кожа мгновенно покраснела от высокой температуры.

Цзян Нин нагнулся и опустил палец в воду.

«Чёрт, кипяток!» — отдернул он руку.

А Лу Чжихань сидел с абсолютно спокойным лицом, вовсе не чувствуя обжигающего жара.

Вернувшись в свою комнату и смыв в душе въевшийся запах лекарственных трав, Цзян Нин сел за письменный стол. Под струями воды он опять разглядывал формулы, записанные на руке, и думал о той ванночке. Столь горячая вода... а тот ничего не почувствовал.

Лишь сейчас до него окончательно дошло: ноги Лу Чжиханя действительно мертвы.

Кое-как позанимавшись, Цзян Нин выудил из кармана листок Янь Суна и вбил названия вузов в поисковик.

Университет Линьцзяна — один из ведущих вузов страны, участник программ «985» и «211». Медицинский колледж — его гордость. Проходной балл на лечебное дело — не менее 645.

Цзян Нин молча закрыл браузер.

645 баллов. Он знал, что на врача учиться трудно, но цифры наглядно доказали: для него это недостижимый космос.

Закончив с домашним заданием, парень рухнул на кровать и уставился в потолок.

«Да и какая разница? Всё равно я не собирался становиться врачом».

Он заснул, но ночью его подстерег сон.

Снова та же процедурная, пропитанная травяным духом. Лу Чжихань сидит на кушетке без носков. Его бледные, беспомощные стопы неподвижны.

Он поднимает глаза и произносит:

— Доктор Цзян, скажите... мои ноги поправятся?

От этого обращения Цзян Нин точно обдало кипятком.

— Конечно, — с трудом сглотнув, пообещал он. — Обязательно.

— Вот и хорошо, — Лу Чжихань улыбнулся, и его холодный образ мгновенно растаял. Пальцы соскользнули к пуговицам рубашки: — Тогда полагаюсь на вас, доктор Цзян.

Цзян Нин подошел ближе, будто под гипнозом. От Лу Чжиханя пахло не столько полынью, сколько тонким, дурманящим ароматом.

Внезапно Лу Чжихань поднял руки, обвил его шею и прижал к себе. Его пальцы поглаживали пульсирующую жилку на шее парня. Взгляд его был мягким, переливающимся, как шелк.

— Цзян Нин... — прошептал он с непривычной, пьянящей нежностью.

Цзян Нин замер, не в силах шевельнуться, пока губы Лу Чжиханя касались его шеи, поднимались к скуле, горячей щеке, пылающему уху...

Сон казался полуявью — Цзян Нин будто парил в облаках, но, встречая этот глубокий взгляд, погружался в бездонный омут.

— Доктор Цзян Нин, — хрипло прошептал Лу Чжихань прямо в ухо, — у меня плохо слушаются пальцы... Поможешь расстегнуть рубашку?

Цзян Нин подорвался на кровати, жадно ловя воздух.

Опять эти безумные сны! И с каждым разом Лу Чжихань вел себя в них все откровеннее. Цзян

Нин осторожно коснулся шеи — кроме выступившего пота, ничего не было. Но ощущение шелковистых губ стояло перед глазами с пугающей четкостью.

«Так, хватит! Мозг просто перегружен», — приказал он себе, отправляясь в ванную.

Сменив испачканную пижаму на школьную форму, он спустился вниз.

Утро понедельника встретило его привычным спокойствием. Лу Чжихань в строгом костюме выглядел подчеркнуто сдержанно и отстраненно.

— Как раз хотел просить, чтобы тебя разбудили, — произнес он. — Сегодня креветочная каша, как ты любишь.

Цзян Нин налил себе пиалу, но взгляд помимо воли возвращался к лицу Лу Чжиханя.

Как одни и те же глаза могут смотреть с такой холодной вежливостью сейчас и с такой всепоглощающей страстью во сне?

— У меня что-то на лице? — засёк его взгляд Лу Чжихань.

— Нет, — смущенно буркнул Цзян Нин. — Просто господин Лу у нас красавец. Смотришь на вас — и аппетит улучшается.

Лу Чжихань едва ощутимо качнул головой:

— Ешь давай. В школу опоздаешь.

В этот момент из телевизора донесся голос ведущего с обучающего канала. Учитель у доски вещал:

— Это типовое задание. В прошлом году его не было, в позапрошлом тоже. О чем это говорит?

— О том, что в этом году оно точно будет, — синхронно с ведущим закончил Цзян Нин.

— О том, что в этом году его обязательно включат в КИМы! — с экрана подтвердил диктор.

Оба на секунду замерли.

— Старая уловка, — фыркнул Цзян Нин. — Лапша на уши. Умел бы он угадывать — в лотерею бы выигрывал.

Но Лу Чжихань уже взял блокнот и аккуратно записал номер темы.

— Ты чего? — Цзян Нин вытаращился на него. — Серьезно собираешься покупать этот бред?

На экране как раз появилось предложение приобрести полный курс за 2999 юаней.

Лу Чжихань поднял смартфон. Раздался писк сканера.

Цзян Нин подскочил и перехватил его запястье:

— Ты с ума сошел?! Зачем выбрасывать деньги на разводку?

Они оба застыли. Ладонь Цзян Нина всё ещё помнила прохладу кожи Лу Чжиханя. Парень быстро отдернул руку:

— Это же чистой воды лохотрон!

— Я давно окончил школу, — спокойно ответил Лу Чжихань, оплачивая курс. — Программа изменилась. Мне нужен структурированный материал.

Получив файл, он принялся бегло изучать таблицы.

— Ты правда веришь, что из меня что-то выйдет? — не выдержал Цзян Нин.

— Верю.

Весь день Цзян Нин ходил сам не свой. Слово «верю» набатом стучало в ушах. Даже он сам в себя не верил, а этот человек — верил.

Во вторник класс гудел: раздали форму для церемонии открытия спортивного праздника. Девочкам достались плиссированные юбки в клетку и приталенные блузки, парням — брюки и рубашки.

Спорторг Ло Цзяньань подошел к задней парте Цзян Нина с черным чехлом:

— Держи. Старина Сю сказал, что тому, кто несет табличку класса, нужен отдельный костюм. Примерь.

Цзян Нин переоделся в подсобке. Простой черный костюм сел на его широкие плечи и длинные ноги так безупречно, будто был сшит на заказ в миланском ателье. Когда он вышел, парни у дверей подсобки так и застыли с открытыми ртами, а девчонки принялись перешептываться, не сводя взглядов.

В тот же вечер форум школы взорвался анонимными постами:

«Цзян Нин из третьего класса в черном костюме — это же отвал всего! Настоящий красивейший парень Линьцзяна!»

Дома Цзян Нин постирал костюм и отпарил его. Утром в среду он спустился в нем к завтраку.

Лу Чжихань оторвался от документов и смерил его долгим взглядом. Цзян Нину стало не по себе.

— Для парада? — спросил Лу Чжихань.

— Угу.

— Сними пиджак. Он немного мятый, я отглажу.

— Да не стоит...

— Сними, это быстро.

Лу Чжихань выкатил из гардеробной отпариватель и принялся аккуратно, складка за складкой, приводить ткань в идеальный вид. Тётушка Ван хотела помочь, но он лишь качнул головой: «Я сам».

Надев теплый, пахнущий свежестью пиджак, Цзян Нин почувствовал, как запылали кончики ушей.

— Парады начинаются в 8:30, — буркнул он. — Не забудь приехать.

— Я поеду с тобой прямо сейчас. Нужно обсудить пару вопросов с директором Сунем. Ван, подай камеру из кабинета.

Цзян Нин только глаза вытаращил: "Камеру? В нашей обшарпанной школе снимки делать?"

Когда они прибыли, директор Сунь лично выбежал к машине и с расплывшейся до ушей улыбкой увлек Лу Чжиханя в свой кабинет.

В классе Цзян Нин произвел настоящий фурор.

— Босс, ну ты даешь! Самый четкий пацан во всей школе! — восхищался Чжао Цзыцянь.

Классный руководитель Сю Гошэн с одобрением похлопал его по плечу:

— Отлично выглядишь. Не волнуйся перед выходом.

Вскоре все классы построились на стадионе. Трибуны ломились от родителей с транспарантами и телефонами. Цзян Нин с табличкой «10-й класс №3» искал глазами Лу Чжиханя на трибунах, но нигде не находил.

«Неужели уехал?» — неприятный укол тревоги отозвался в груди.

И тут он бросил взгляд на трибуну почетных гостей. В самом центре VIP-ложи, рядом с заискивающим директором Сунем, восседал Лу Чжихань.

Так вот о каком «важном госте» шептались учителя!

Заиграл марш. Колонна двинулась.

Камера квадрокоптера зависла прямо над Цзян Нином. По трибунам прокатился вздох восхищения: высокий, статный юноша в безупречном черном костюме чеканил шаг перед строем.

Проходя мимо трибуны руководства, Цзян Нин подтянулся, расправил плечи и еще сильнее сжал древко таблички.

Лу Чжихань поднял тяжелый объектив фотоаппарата, навел на него фокус и спустил затвор.

Щелчок.

Цзян Нин чуть заметно ухмыльнулся.

Похоже, этот спортивный праздник будет не таким уж и скучным.

<http://bllate.org/book/19724/1943823>